

## ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

**А.И. Костин, В.С. Изотов**

### **ПОСЛЕДСТВИЯ МИРОВОГО КРИЗИСА: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОЗАВИСИМЫХ РИСКОВ**

*В статье анализируются проявления и некоторые последствия кризисов в разных измерениях глобальной политики — идеологическом, политическом (на субрегиональном уровне) и экологическом (экополитическом). Каждый из этих процессов одновременно проявляет себя как кризис системы и среды международных отношений в целом и мировой политики в частности. Нельзя исключать возможность переформатирования всей международно-политической системы на основе суммарных последствий «неизвестного множества» кризисов на разных уровнях глобальной политики. Теснейшая взаимозависимость кризисов и порождаемых ими рисков, возможно, приведет к появлению нового междисциплинарного научного направления, предварительно названного «кризисология».*

**Ключевые слова:** глобальный кризис, синергетика, мировая политика, политическая идеология, либертаризм, «мягкая сила», «Rise of the Rest», неформальные сети, «арабская весна», экологический кризис, устойчивое развитие, «кризисология».

Менее десяти лет назад Юнгер Хабермас, не склонный к апологетике американоцентризма, констатировал «нормативно-нейтральный факт», подтверждающий существование однополярного мирового порядка, где главенствующее положение занимает сверхдержава, с которой трудно конкурировать в военном, технологическом и экономическом отношении<sup>1</sup>. Очевидно, что сегодня такое утверждение может быть причислено к реликтам истории международных отношений. Это не было принципиальной ошибкой немецкого классика политической философии, просто ускорение политического и экономического времени произошло повсеместно, на всех уровнях общественных отношений, и мировая политика — не исключение из правил.

Большинство прогностических работ 2008–2009 гг. полагало, что мировой кризис, начавшийся в то время, продлится 3–4 года. В настоящее время понятно, что он не закончился, а избранно распространился не только на новые экономические регионы, но и на глобальные пространства политики, социума и окружающей

---

<sup>1</sup> См.: Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008. С. 175.

среды. Например, относительно быстро прошли через острую фазу экономического кризиса Китай, Россия, Бразилия, ведущие страны ЮВА, но «в качестве компенсации» затяжная рецессия охватила Евросоюз — один из центров глобальной экономики. Нет никаких оснований полагать, что временная (дорогостоящая для Европы) реанимация греческой экономики остановит процессы нарастания долгового кризиса в других проблемных странах этой части света. Ускорение и усложнение политических, а также экономических процессов на всех уровнях глобальной системы привели к тому, что сегодня аналитики практически не могут точно зафиксировать начало, «дно» или окончание той или иной рецессии. Наблюдаются взаимные индукции различных кризисов, которые переходят один в другой, как бы «замещая» и «дополняя» друг друга. Это становится одним из главных индикаторов процесса глобализации. Однако неверно констатировать наступление «нового средневековья», синонимичного веку глобализации, «когда новые орды установят собственный вариант мира, правды и порядка»<sup>2</sup>. Представляется более обоснованным говорить о том, что различные кризисы как комбинации негативных явлений планетарного масштаба становятся нормой глобализации, ее имманентной составляющей.

В работе анализируются проявления и некоторые последствия кризисов в разных измерениях глобальной политики — идеологическом, политическом (на субрегиональном уровне) и экологическом (экополитическом). Каждый из этих процессов одновременно проявляет себя как кризис системы и среды международных отношений в целом и мировой политики в частности. Статья построена на логике системного анализа и отчасти на синергетических принципах, предполагающих тесную взаимосвязь происходящих кризисов в любых измерениях. Представляется, что рассмотрение кризисных явлений с данных точек зрения может способствовать более цельному пониманию логики функционирования, закономерностей, тенденций развития, согласований и противоречий глобальных политических процессов. Кроме того, яснее могут быть выявлены параметры управляемости и возможности предсказуемости кризисных явлений международно-политической системы. Очевидно, что взаимосвязь между кризисами и рисками развития в мировой политике требует взгляда на происходящее в системном, взаимозависимом контексте. Недостаточно оценивать геополитические, экономические, экологические или, например, демографические риски в непересекающихся аналитических плоскостях. Такой подход представляется устаревшим и не отражающим динамику современного развития. Три фактора, анализируемые в статье, — идеология, политическая

---

<sup>2</sup> Ханна П. Подходим к новому средневековью // Полис. 2010. № 1. С. 148.

деструкция арабского мира и экология — намеренно выбраны как представляющие разные измерения глобальной политики. Это не означает их первичной важности и главенства по отношению к другим факторам, например таким, как проблема распространения терроризма или ядерная безопасность. Определение наиболее значимых факторов в развитии международной системы является сложной задачей, допускающей столкновение различных теоретических подходов и конкуренцию методологий.

Значимая тенденция проявляется в том, что практически любое резонансное событие в мировой политике целесообразно рассматривать в глобальном масштабе. В региональных политических процессах всегда можно выделить тенденции, укладывающиеся в «глобальный тренд». Проецируя «перманентное кризисное состояние» на сферу международных отношений и мировой политики, надо отметить, что сложность ситуации, нарушение равновесия и растущая нестабильность заставляют ученых искать новые подходы к изучению и анализу происходящего, экспериментировать с новой методологией. Одним из примеров может быть попытка рассмотреть теорию мировой политики и особенно миропорядка с точки зрения синергетики<sup>3</sup>. В рамках этой парадигмы глобальная система международных отношений определяется как нелинейная, сложноэволюционирующая и одновременно способная к самоорганизации. С одной стороны, выявляется все больше факторов (переменных, постоянных) и критериев, поддающихся управлению, с другой — становится все труднее прогнозировать поведение самой системы и ключевых игроков. Такие явления, как нарастающие противоречия глобализации, асимметричное распределение политической власти и капиталов, усиливающаяся децентрализация современного мира, экополитический кризис, хорошо вписываются в традиционную методологию синергетики. В целом же во взаимозависимом, но неупорядоченном мире существует множество рисков, выходящих за границы анализа и прогнозов.

\* \* \*

Как замечает профессор Джорджтаунского университета Чарльз Капчан, кризис управляемости в западном мире происходит в самый неподходящий момент, когда международная система находится в процессе тектонических изменений в связи с перераспределением капиталов и власти в новые регионы<sup>4</sup>. Глобализация сошла с магистрального либертариистского трека, ведущего, по идее, к дальней-

<sup>3</sup> В отечественной политологии такой подход представлен работами К. Гаджиева, Э. Баталова, С. Курдюмова, Е. Князевой, О. Иванова, Г. Малинецкого и других исследователей.

<sup>4</sup> *Kupchan C. The Democratic Malaise. Globalization and the Threat to the West // Foreign Affairs. 2012. Vol. 91. N 1. P. 62.*

шему процветанию западных демократий, которые, инициировав во второй половине прошлого века процессы экономической интернационализации, рассчитывали на большой выигрыш. Предполагалось, что открытые, мобильные и либеральные экономики лучше других подготовлены к конкуренции в эпоху наступающих перемен. Однако первая фаза глобализации (условный период до кризиса 2008 г.) завершилась другим результатом: рабочие места, инвестиции и капиталы переместились в страны, еще несколько десятилетий назад находившиеся на окраинах «третьего мира». В результате средний класс в странах — инициаторах глобализации стал беднеть, упали доходы, возросло имущественное расслоение, обострилась проблема утраты социальных перспектив. Прав Френсис Фукуяма, отмечающий, что глобализация и дальнейшее развитие технологий подрывают средний класс и делают более трудным вхождение в него большинства граждан развитых обществ<sup>5</sup>. В области экономической идеологии проявляется критическое отношение к изначальным составляющим теории глобального либертариизма. Например, принцип свободной торговли перешел в категорию очевидных иллюзий на фоне набирающего силу протекционизма. Одним из подтверждающих примеров стал специальный доклад Еврокомиссии, обративший внимание на отсутствие прогресса в снижении торговых барьеров в рамках «Группы двадцати». Документ призывает к выполнению первоначального обязательства воздерживаться от введения новых торговых барьеров после начала кризиса. В этой связи член Еврокомиссии по торговле Де Гухт заявил: «Протекционизм представляет реальную угрозу для восстановления экономик. Я обеспокоен тем, что больше ограничительных мер было введено нашими торговыми партнерами. ЕС в рамках двусторонних и многосторонних переговоров продолжит напоминать своим партнерам, чтобы они придерживались своих обязательств по сокращению торговых барьеров»<sup>6</sup>. В докладе Всемирного экономического форума, который анализирует глобальные риски ближайшего десятилетия, также подчеркивается, что политики во многих развитых странах на фоне экономических трудностей все чаще вынуждены прибегать к антиглобалистской риторике и протекционистским мерам<sup>7</sup>. Интеллектуальное разочарование в либеральной демократии проецируется на социальную сферу, где нарастает протестная активность по всему возрастному спектру — от юных «захватчиков Уолл-стрит» до демонстраций

<sup>5</sup> *Fukuyama F. The Future of History // Foreign Affairs . 2012. Vol. 91. N 1. P. 58.*

<sup>6</sup> *European Commission — Press Release: EU report highlights concerns over rise in protectionism across G20. Brussels, 19 October 2011.*

<sup>7</sup> *Global Risks. An Initiative of the Risk Response Network. World Economic Forum. 6 ed. Geneva, 2011. P. 39.*

пенсионеров. При этом выступления часто смыкаются со ставшими уже традиционными антиглобалистскими движениями.

С одной стороны, на фоне начавшего в 2008 г. глобального кризиса США и их европейские союзники попытались вернуть потерянные преимущества. В результате традиционные приемы либеральной демократии стали более жесткими и прямолинейными. Спустя четверть века после окончания «холодной войны» вновь актуализован доминантный тип поведения — «американо-натовский, наступательный, идеологизированный, с позиции комплексного превосходства и редко допускающий компромиссы»<sup>8</sup>. С другой стороны, дифференциация политического пространства и очевидный кризис однополярности диктуют потребность в более гибких и компромиссных стратегиях. В качестве примера можно привести концепцию, обозначенную в англоязычной политологии кодовым словосочетанием «Rise of the Rest» — «подъем остального мира». Являясь концентрированным выражением группы теорий обновленного мультилатерализма, она во многом является смыслообразующей для исследований последнего десятилетия<sup>9</sup>. Тесно связана с ней и теория «Поствашиingtonского консенсуса», изучающая компромиссные варианты взаимодействия с новыми центрами силы и предполагающая ревизию «Вашингтонского консенсуса» — абсолютизированных экономических принципов, основанных на идеологии глобального либертаризма, — минимизации государственного регулирования, сокращения налогов, ограничении социальных программ в условиях свободного рынка<sup>10</sup>.

\* \* \*

Идеологическое измерение является одним из главных в международном порядке. Не случайно ярким индикатором системного кризиса современности стала нарастающая идеологическая конфликтность. Хантингтоновский дискурс о «столкновении цивилизаций» сегодня замещается попытками осмысления и прогноза «столкновения идеологий». Модель «обязательного развития» на основе либеральной демократии оказалась значительно девальвирована, в связи с чем ведущие отечественные и западные политологи констатируют задержавшуюся всего лишь на полтора десятилетия деструкцию либерализма, сопутствующий ей интеллектуальный вакуум, недейственность старых рецептов и объяснений<sup>11</sup>. Подорвана

<sup>8</sup> Богатуров А. «Принуждение к партнерству» и изъяны неравновесного мира // Россия в глобальной политике. 2011. № 6.

<sup>9</sup> В этом смысле показательна популярность политического бестселлера Ф. Закария: Zakaria F. The Post-American World and the Rise of the Rest. S. I, 2009.

<sup>10</sup> Birdsall N., Fukuyama F. The Post-Washington Consensus // Foreign Affairs. 2011. Vol. 90. N 2.

<sup>11</sup> Например: Караганов С. Революционный хаос нового мира // Российская газета. 2011. 21 дек.; Капчан Ч. Побеждающее многообразие // Россия в глобальной политике. 2011. № 6.

незыблемость постулатов либеральной идеологии как положений, не нуждающихся в доказательствах. Этот факт критически важен, так как именно на основе постулатов создается образ желаемого будущего, возникают ценности любой идеологии, обуславливающие область активной политической практики. С одной стороны, можно согласиться с Александром Соловьевым, констатирующим, что в современной действительности механизм идеологической идентификации не может действовать столь же эффективно в условиях массового распространения постматериальных ценностей, как и на заре становления индустриализма<sup>12</sup>. Однако, рассматривая это утверждение в координатах мировой политики, надо заметить, что в условиях нестабильного миропорядка и очевидного неравноправия государств внешнеполитические реципиенты (государства и граждане) нуждаются в смыслах, идеях и установках, складывающихся в комфортную, согласованную и в целом оптимистичную картину. В этом случае сама идеология и идеологические паттерны мышления выступают в роли посредников, через которые вопросы внешней политики транслируются и воспринимаются массовой аудиторией<sup>13</sup>.

Дефицит идеологического обеспечения внешнеполитических процессов и обесмысливание прежних идеологием обусловлены следующими взаимосвязанными тенденциями. Первая из них заключена в трансформации парадигмы мирового развития, смене ее транзитных индикаторов на пути к информационному обществу. Информационно-сетевая унификация миропорядка изменяет не только скорость распространения информации, но и глубину проникновения, силу воздействия на ее получателей. Информация становится общедоступной как в рамках пространственно-временной координатной системы, так и по критериям «значения» и «смысла». Вторая тенденция в свою очередь фиксирует связанные с этими процессами социальные изменения, которые способствуют росту запроса на обновленные идеологии, находящиеся в пограничных пространствах мира реального и виртуального.

\* \* \*

В области международных отношений поиски обновленной идеологии связаны с концепцией «мягкой силы», которую в начале 1990-х гг. ввел в научный оборот гарвардский профессор Джозеф Най. На сегодняшний день «мягкая сила» является устоявшимся термином в теории международных отношений. Возникшая в качестве оппозиции понятию «жесткая сила», она первоначально представля-

---

<sup>12</sup> Политология: Лексикон / Под ред. А. Соловьева. М., 2007. С. 349.

<sup>13</sup> См.: *Алексеева Т.* Внешнеполитические идеологии как политическое воображаемое. Россия и мир после мирового кризиса: новые вызовы, новые возможности? // Материалы VI конвента РАМИ. М., 2011.

лась как способность государств и союзов к достижению целей через убеждения и идеологию, а не подавление. В 2008–2010 гг. концепция была существенно переработана в соответствии с изменившейся динамикой международной среды. Три базовые основы «мягкой силы» таковы: внешняя политика (легитимная и авторитетная), политические ценности (коррелирующие с внешней и внутренней политикой), а также культура (ее компоненты, привлекательные для других народов)<sup>14</sup>. Кроме того, определяются арбитры (Referees) «мягкой силы» и объекты ее воздействия (Receivers). Арбитры и легитимизирующие институты — не только регулирующие, но и коммуникативные инструменты «мягкой силы». Объекты воздействия — политические элиты и социально активные группы людей, воспринимающие ценности, установки, симпатии, индоктринируемые посредством «мягкой силы».

Время и место появления концепции «мягкой силы» нельзя считать случайными. Очевидно, ее надо рассматривать как ответ на вызовы со стороны качественных структурных изменений международной среды, порождаемых идеологическим кризисом в сочетании с феноменальным развитием информационных технологий, интенсификацией публичной дипломатии, гуманитарного обмена, трансляции унифицированных культурных стандартов<sup>15</sup>. Эта теория стала закономерной реакцией на нивелирование статуса США как глобального гегемона и формирование полновесной многополярности в результате «подъема остального мира». Растущий запрос на политико-идеологическую самоидентификацию позволяет предположить, что одним из главных функциональных назначений теории «мягкой силы» является восстановление влияния и структурной четкости глобально-либертариистской идеологии, представление ее как перспективной комбинации концепций и интерпретаций, закрепляющих эмоционально-положительное отношение. Таким образом сложность среды и системы международных отношений редуцируется на доступный уровень восприятия человека, следующего заданной идеологии, в данном случае идеологии глобального либертариизма. Парадигма «мягкой силы» при всей ее концентрированности на внешнеполитической практике США и методологической дискуссионности задала одно из магистральных направлений для исследования внешнеполитического влияния государств с точки зрения идеологии. В целом методологический анализ

---

<sup>14</sup> Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Science Academy of Political and Social. 2008. March. P. 96.

<sup>15</sup> Теоретико-методологический анализ феномена «мягкой силы» в системе координат информационного общества см. в работе: Изотов В. «Мягкая мощь»: обновленный теоретический концепт и российская модель для сборки // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2011. № 4. С. 146–155.

позволяет представить «мягкую силу» как важный *антикризисный* компонент внешнеполитической стратегии, представляющий сумму идеологий — политических, экономических, культурных и даже религиозных.

Дефицит обновленных идеологических парадигм испытывают не только США. Они не менее востребованы среди конкурирующих полюсов трансформирующейся миросистемы. Сопоставимость по критерию идейного влияния в международных отношениях становится все более актуальным методологическим инструментом. В определенном смысле можно говорить о существовании «рынка идей», где в условиях конкуренции, подобно экономическому рынку, развиваются и соперничают стратегии «мягкой силы»<sup>16</sup>. При этом государство — источник «мягкой силы» должно быть способно к формированию предпочтений других граждан. Показательно также, что значительный объем работ, в последнее время появившихся в англоязычной политологии, посвящен анализу китайской «мягкой силы». Помимо этого появляются предпосылки для анализа новой идеологии, складывающейся на платформе трансконтинентального концепта БРИКС, представляющего страны, где проживает 43% населения планеты (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика). «Мягкая сила» БРИКС заявляет о себе как о площадке альтернативных ценностей, которые пересматривают модель американо- и европоцентристской глобализации, не справляющуюся прежде всего с мировыми экономическими проблемами — виртуализацией «необеспеченных» денег, волатильностью рынков и ростом суверенных долгов. В своей экономической составляющей идеология БРИКС начинает закреплять определенные преимущества. На мартовском саммите в Нью-Дели участники констатировали: «Несмотря на то что страны БРИКС относительно быстро вышли из глобального кризиса, перспективы мирового роста вновь ухудшились вследствие нестабильности рынка, особенно в еврозоне»<sup>17</sup>. На таком фоне определенную нехватку идеологического набора инструментов для внешней политики испытывает Евросоюз, даже после принятия 1 декабря 2009 г. «конституционного кодекса Европы» — Лиссабонского договора, так и не оформившийся в качестве весомого субъекта мировой дипломатии. Более того, несмотря на появление должности европейского министра иностранных дел, количество прецедентов идеологического рассогласования не уменьшается. Упадок панъевропейской интеграционной идеологии привел к тому, что политические журналисты пишут о Европе, «у

<sup>16</sup> Такой подход отстаивается в коллективной монографии американских исследователей: *Kroenig M., McAdam M., Weber S. Taking Soft Power Seriously // Comparative Strategy. 2010. Vol. 29. N 5. P. 412–431.*

<sup>17</sup> Делийская декларация БРИКС. URL: [http://news.kremlin.ru/ref\\_notes/1189](http://news.kremlin.ru/ref_notes/1189)

которой есть общий рынок и единая валюта, но нет души». Образно говоря, кризис подчеркивается тем, что никто по-прежнему не готов «умирать за Европу» на полях идеологических битв.

\* \* \*

Что касается России, то она все еще испытывает трудности с репрезентацией ценностей, смыслов и идеалов внешней политики. С одной стороны, у нашей страны сохранилось большинство из необходимых компонентов «мягкой силы». Это признают даже скептически настроенные зарубежные исследователи. Родерик Лайн, известный английский дипломат и политолог, один из авторов докладов для Трехсторонней комиссии, замечает, что у России есть множество инструментов «мягкой силы», включая энергетическую и инвестиционную составляющие, а также развитую сеть культурных, лингвистических, персональных коммуникаций с ее соседями. Однако предстоит большая работа, чтобы убедить мир в том, что они будут использоваться на добровольной, а не на принудительной основе<sup>18</sup>. Показательно, что культурная составляющая российской «мягкой силы» по меньшей мере не уступает США, источники культурного влияния которых, по несколько ироничному замечанию Фарида Закария, во многом имеют британские корни и связаны с образами героев У. Шекспира, А. Конан Дойля и «Алисы в стране чудес»<sup>19</sup>. События последних лет показывают, что Россия способна выдвигать собственные инициативы, способные конструировать (по крайней мере на уровне дипломатической идеологии) формирующийся миропорядок. Разработка Договора о европейской безопасности, обновленная концепция постсоветской интеграции (Евразийский союз), активно-кооперационная позиция в БРИКС, «Группе двадцати», ШОС, ЕврАзЭС свидетельствуют о способности страны задавать направления дискуссий по актуальной проблематике, мыслить глобальными категориями. В частности, на упоминавшемся саммите БРИКС (Нью-Дели, 2012 г.) на платформе многосторонней дипломатии подтверждены такие инициативы, как реформа ООН, изменение МВФ (вопросы системы квот и управления), вновь подчеркнута принципиальная необходимость регулятивного надзора за международной финансовой системой<sup>20</sup>. Кроме того, активность по периметру мировой политики не только соответствует стратегии многостороннего прагматизма, но и способствует повышению внешнеполитического статуса в целом, положительно сказываясь на формировании более безопасных моделей международного порядка. С другой стороны, реализация полноценных идео-

<sup>18</sup> International Affairs. 2012. N 1(88). P. 188.

<sup>19</sup> Zakaria F. The Post-American World and the Rise of the Rest. P. 170.

<sup>20</sup> Делійская декларация БРИКС. URL: [http://news.kremlin.ru/ref\\_notes/1189](http://news.kremlin.ru/ref_notes/1189)

логических стратегий на основе «мягкой силы» остается в области желаемого. Причин по меньшей мере две. Эволюция политической системы в сторону суперпрезидентской республики<sup>21</sup> обесценивает ключевые инструменты «мягкой силы», например такие, как внутренние демократические ценности или публичная дипломатия, замещающая их пропагандой. Подчеркнем, что эффективная модель «мягкой силы» предполагает активную публичную поддержку официальной дипломатии, прежде всего через так называемый «третий», некоммерческий сектор, который в России пока развит недостаточно. Джозеф Най в свое время заметил, что пропаганда является контрпродуктивным фактором для «мягкой силы», так как она возникает там, где ощущается нехватка правдивости и достоверности. Соответственно качественная публичная дипломатия и пропаганда должны находиться на большом расстоянии друг от друга<sup>22</sup>. Успех несиловых, идеологически позитивных стратегий, как правило, связан с внешнеполитической презентацией гибких и универсальных доктрин, основанных на привлекательных политических, экономических, социокультурных идеях. Второй аспект связан с растущим дефицитом доверия внешней международной среды как следствием непрозрачного процесса принятия решений и критически высокой персонификации политики. Политические элиты и крупный бизнес связаны в неформальные сети (informal networks), практически непроницаемые для гражданского контроля. Эту негативную тенденцию не только отечественные, но и некоторые зарубежные исследователи считают одним из ключевых индикаторов текущего политического процесса<sup>23</sup>. Отчасти соглашаясь с такой точкой зрения, необходимо подчеркнуть, что здесь мы имеем дело с международной тенденцией, которая, к сожалению, закрепляется и в России отчасти благодаря возросшему уровню транснационализации правящих элит. Другая опасная симптоматика заключается в том, что сверхприбыли от операций в финансовых, инвестиционных, информационно-коммуникационных и других отраслях — «локо-

<sup>21</sup> Дискуссии на эту тему см., например: *Моисеев С.* Искушение суперпрезидентской системой // *Pro et Contra*. 1998. Т. 3. № 3. С. 74–86; *Иванов М., Хамраев В.* Государство главы // *Коммерсантъ*. 2011. 29 марта.

<sup>22</sup> *Nye J.* Public Diplomacy and Soft Power // *The Annals of the American Science Academy of Political and Social*. 2008. March. P. 101.

<sup>23</sup> В частности: *Monaghan A.* The Vertikal: Power and Authority in Russia // *International Affairs*. 2012. N 1(88). P. 16. Также на эту тему см.: *Ledeneva A.* The Genealogy of Krugovaya Poruka: Forced Trust as a Feature of Russian Political Culture // *Trust and Democratic Transition in Post-communist Europe*. Oxford, 2004; *Zaznaev O.* The Presidentialisation of a Semi-presidential Regime: the Case of Russia // *Politics and the Ruling Group in Putin's Russia*. L., 2008; *Sakwa R.* The Crisis of Russian Democracy: the Dual State, Factionalism and the Medvedev Succession. Cambridge, 2011. На последнюю работу см. рецензию Б. Макаренко в «Pro et Contra» (сентябрь–октябрь, 2011. С. 135–140).

мотивах глобализации» делятся среди членов советов директоров нескольких десятков крупнейших корпораций. Политические следствия очевидны: эти структуры, используя свой прерогативный доступ к элитарным уровням политических систем, все более активно влияют на процесс принятия решений в ведущих столицах мира. Закрепляется тенденция «закрытия» процесса принятия ключевых политических решений с одновременным сплетением многоячеистой сети «полулегитимной» и теневой власти, подотчетной узкому кругу лиц и организаций. Вместе эти две тенденции необходимо идентифицировать как наиболее опасные противоречия глобализации, способные разрушить модель «общественного договора» и в перспективе спровоцировать распад существующих структур мировой политики. В целом, ограничение функциональности российской «мягкой силы» не только способствует формированию нечеткого, размытого образа страны за рубежом, но и коррелирует с девальвацией российских позиций в международных рейтингах, оценивающих политическую и инвестиционную привлекательность для международного бизнеса. Кроме того, как показывают результаты коллективного исследования российских ученых ИМЭМО РАН, существует прямая зависимость между имиджем страны в рамках международной системы и ее инвестиционной привлекательностью<sup>24</sup>.

\* \* \*

С позиции многофакторного анализа изменений в современном международном порядке, в частности на его субрегиональных уровнях, необходимо рассмотреть феномен «Арабской весны» — последовательную силовую смену авторитарно-клановых режимов в странах Северной Африки и Арабского Востока. Внутренние процессы в революционных странах во многом стали неожиданностью как для Брюсселя, так и для Вашингтона. Экстренной реакцией на происходящее стала совместная, хотя и плохо скоординированная стратегия, направленная на международную делегитимизацию авторитарных режимов, часть из которых в течение десятилетий являлись приемлемыми и удобными партнерами. Но контролировать конечный результат оказалось невозможным. Изначально демократические движения проявили себя как инверсивные, открыв политические плацдармы для консервативных сил, что дало повод для дискуссий об «украденных революциях». При анализе феномена «Арабской весны» надо учитывать тот факт, что оформление «репрессивного авторитаризма», например, в Египте и Алжире во многом явилось результатом борьбы с религиозным фундаментализмом. Разрушение же политических систем создало реальную угрозу

---

<sup>24</sup> См.: Данилин И., Джус И., Соловьев Э. Политические риски иностранных инвестиций в РФ. М., 2010.

реполитизации радикального ислама. По итогам выборов новая политическая конфигурация оформилась во многом на платформе политического ислама, более удаленного от демократических ценностей в их классическом понимании, чем демонтированные режимы. При этом новые элиты сохраняют фрагментированную структуру, а их установки не проходят тесты на совместимость с нормами современного правового общества. Большинство экспертов, вовлеченных в процессы мирного урегулирования, настроены скептически: шансы на быстрое создание инструментов демократического управления в постреволюционных государствах пока невелики. Потребуется значительное время, чтобы политическая активность разнородных движений запустила механизмы демократических транзитов, способные привести регион к стабильности.

Из феномена «Арабской весны» следует несколько важных выводов в контексте теории миропорядка и трансформации международных отношений. Во-первых, произошедшие события подтвердили нарастающие тенденции хаоса (анархии) в международных отношениях и снижение уровня предсказуемости. Если до начала восстаний некоторые политологи рассматривали Арабский Восток и Северный Магриб как потенциальный полюс или как минимум усиливающуюся региональную подсистему мировой политики, то после этих событий хронологическая точка исполнения подобных прогнозов переместилась в среднесрочное будущее. На первое место вышли вопросы прекращения военных действий, ликвидации насилия и препятствия гуманитарным катастрофам. Стало понятно, что регион долгое время будет неспособен к геополитической самоорганизации. С этой точки зрения произошедшее хорошо иллюстрирует синергетическую логику, доказывающую, что разными субъектами мирового сообщества принимается бесчисленное множество решений, приводящих в совокупности к непредусмотренным результатам<sup>25</sup>. Во-вторых, закрепляются фрагментация и расслоение мира на уровне отдельных регионов. Процессы в каждой из стран «Арабской весны» имеют свою специфику, исключая общие пути развития на основе «демократических стандартов» западного образца. Поэтому требуется динамическое переосмысление проблемы синтетического соотношения западной демократии с традиционным, в данном случае арабским, социумом. В контексте информационного общества становится понятно, что одной из главных причин политических деструкций стало резкое нарушение баланса между «информационным» и «традиционным». В странах, долгое время находившихся на маргиналиях глобального информационного пространства, многократное умножение информационных потоков (важную ком-

<sup>25</sup> См.: Гаджиев К. Миропорядок сквозь призму синергетики // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 3(9). URL: <http://www.intertrends.ru/nineth/012.htm>

муникативную роль, особенно в группе до 30 лет, сыграло развитие социальных сетей), транслирование западных идеалов вступили в «химическую реакцию» с не адаптированными к происходящему устоявшимися архетипами власти и политической культуры. Также надо учитывать, что контрэлиты, получившие образование на Западе (один из ключевых факторов «мягкой силы»), транслировали усвоенную демократическую культуру в поле внутренней политики своих стран. Кроме того, нуждается в аналитическом тестировании третий вывод, предполагающий, что одной из причин распада арабских авторитарно-клановых режимов стали последствия глобального кризиса, начавшегося в 2008–2009 гг. Не подготовленные к обострению региональной конкуренции, кланово-коррумпированные экономики оказались очень чувствительными ко второй волне кризиса. Ухудшение экономического положения населения стало важным фактором влияния на внутривнутриполитическую динамику, усилившим социальные волнения. Не случайно практически все протесты начинались как «реакция отчаяния» на экономические трудности, рост безработицы, отсутствие социальных и профессиональных перспектив для людей, не включенных в элитарно-клановые страты. Примечательно, что события в арабских странах фактически остались вне прогностических сценариев. После начала экономического кризиса согласованное мнение большинства экспертов заключалось в том, что одним из главных последствий происходящего станет геополитическая дестабилизация мировой периферии, но мало кто предполагал, что это произойдет именно в регионе «Арабской весны».

\* \* \*

Почти два десятилетия назад академик Никита Моисеев предупреждал, что политические последствия экологического кризиса куда глубже, чем это может представить общественность. «Если же состояние устойчивого развития понимать не в том примитивном смысле, как его понимают политики и экономисты, а как иное словесное выражение необходимости развития процесса, приводящего однажды к реализации принципа коэволюции или эпохе ноосферы (что является, по моему мнению, синонимами), то надо честно сказать, что на этом направлении человечеству еще придется пройти долгий и тернистый путь, наполненный трагедиями планетарного масштаба»<sup>26</sup>. С точки зрения реальностей сегодняшнего дня такое прочтение представляется особенно актуальным. По аналогии с номенклатурой, принятой в точных науках, можно назвать теорию выдающегося российского ученого «М-трактовкой» концепции «устойчивого развития». Приходится констатировать, что пока мировое сообщество

<sup>26</sup> *Моисеев Н.* Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ // *Вопр. философии.* 1995. № 1. С. 7.

прошло минимальную часть «долгого пути» от основополагающего экологического конгресса в Рио-де-Жанейро (1992) до провального саммита в Копенгагене (2009). Между тем современные исследования продолжают подтверждать вероятность разрушительного исхода планетарного развития по модели экономической глобализации. В этом вопросе в последнее время наблюдаются как минимум две тревожные тенденции. Первая из них связана с тем, что в периоды экономических кризисов экологическая тематика всегда отступает на задний план, уступая место дискуссиям о необходимости возобновления экономического роста. Концепции такого рода, проповедуемые, например, МВФ и Всемирным банком, связаны, скорее, с разрушением природной среды, а не с ритуально декларируемым «устойчивым развитием» в его ограниченном понимании. Более того, правительства зачастую отдают себе отчет в этом и прибегают к давлению на научно-исследовательские сообщества, занятые в области экологической прогностики. Темы защиты окружающей среды, особенно указывающие на опасности разрушения региональных экосистем, намеренно табуируются. Например, не так давно гражданское общество США сделало достоянием общественности факты цензуры по отношению к соответствующим исследованиям Федерального агентства по защите окружающей среды<sup>27</sup>. Если подобная практика имеет место в США, есть все основания предполагать аналогичные действия правительств в других индустриальных странах и в неменьшей степени в государствах «второго» и «третьего мира», проходящих разные стадии технологической модернизации. Вторая тенденция отражает ослабление регулирующей роли государства в целом, а также перераспределение природоохранных компетенций в пользу транс- и субнациональных акторов. Такие организации намного сложнее привлечь к экологической ответственности, что связано как с мигрирующими производствами, так и с юридической «неуловимостью» реальных собственников, замаскированных за длинными списками номинальных владельцев. Связь экологической тематики с политическим развитием мировой системы очевидна. Прогностические модели неумолимо свидетельствуют о том, что в ближайшие десятилетия определяющее значение в истории общества будут играть его взаимоотношения с окружающей средой<sup>28</sup>. Именно они окажутся инициаторами разнообразных конфликтов, поскольку человечество подошло к «порогу допустимого» и разные цивилизации будут по-разному воспринимать природные ограничения и искать пути дальнейшего развития в условиях острейшей конкуренции. Кроме того, экономическая детерминанта экологического кризиса

<sup>27</sup> См.: *Переслегин С.* Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. М.; СПб., 2009. С. 38.

<sup>28</sup> См.: *Моисеев Н.* Указ. соч. С. 9.

дополняется и усиливается другими — идеологической и политической<sup>29</sup>. В этом смысле экологические проблемы сопутствуют странам, придерживающимся рекомендаций МВФ и Всемирного банка, распространяющих идейно-политические установки моделей роста «любой ценой». Хорошо иллюстрирует взаимосвязь политического, социального, экологического и демографического факторов следующий пример. В условиях кризиса и нарастающего глобализационного неравенства развивающиеся страны не ограничивают рост населения, рассчитывая на «демографические дивиденды в будущем». Последствия же могут быть противоположными. Перечислим лишь некоторые из них: эволюция возрастной структуры (демографический фактор), непропорциональная урбанизация, ухудшение качества окружающей среды (социологический, экологический факторы), подрыв социальной стабильности и массовая вертикальная миграция из «третьего» в «первый мир» (социологический, политический факторы) и как следствие — рост национализма и популизма в странах «первого мира» (политический фактор). В заключение подчеркнем тесную связь экополитической проблематики с вопросами оформления и функционирования мирового порядка, так как объективные императивы выживания и развития цивилизации требуют соответствующего глобально-политического контекста.

\* \* \*

Таким образом, сохраняется многовариантность развития мировой системы, которая пока имеет немного шансов быть охарактеризованной как «посткризисная». Финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. запустил процессы генерации и взаимной индукции новых кризисов, охватывающих большинство сфер общественных отношений. Нельзя исключать возможность реформатирования всей международно-политической системы на основе суммарных последствий «неизвестного множества» кризисов на разных уровнях глобальной политики. Тем не менее некорректно описывать происходящее как наступление «темных веков», эпохи анархии и глобальной регрессии. Целесообразнее пересмотреть само прочтение «кризисов», признав их естественным спутником ускоряющейся глобализации. Одновременно необходимо искать новые научные подходы к анализу и прогнозированию происходящего, совершенствовать методологию, прокладывать нетривиальные пути исследования. В частности, попытки научной интерпретации и системного понимания происходящего могут быть связаны с возможностью становления нового междисциплинарного научного направления, предварительно названного как «кризисология»<sup>30</sup>. Теснейшая взаи-

<sup>29</sup> См.: Костин А. Экополитология и глобалистика. М., 2005. С. 253.

<sup>30</sup> От греч. «krisis». Изначально — решение, поворотный пункт, исход.

мозависимость кризисов и порождаемых ими рисков в глобальном сообществе становится очевидной. Представляется, что такой подход, подкрепленный методологией и инструментарием синергетики, способен снизить уровень непредсказуемости и неопределенности в глобальной политике, устранить риски, которые могут подорвать курс планетарной и общественной эволюции. В истории человечества кризисы всегда были не только «исходом» всего устаревшего, но и эпохой новых возможностей. Как говорили древние, «ветер Богов поднимает бурю, но он же надувает паруса».

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеева Т.* Внешнеполитические идеологии как политическое воображаемое. Россия и мир после мирового кризиса: новые вызовы, новые возможности? // Материалы VI конвента РАМИ. М., 2011. [*Alekseeva T.* Vneshnepoliticheskie ideologii kak politicheskoe voobrazhaemoe. Rossiya i mir posle mirovogo krizisa: novye vyzovy, novye vozmozhnosti? // Materialy VI konventa RAMI. M., 2011].
2. *Богатуров А.* «Принуждение к партнерству» и изъяны неравновесного мира // Россия в глобальной политике. 2011. № 6. [*Bogaturov A.* «Prinuzhdenie k partnerstvu» i izjany neravnovesnogo mira // Rossiya v global'noj politike. 2011. N 6].
3. *Гаджиев К.* Мировой порядок сквозь призму синергетики // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 3(9). [*Gadzhiev K.* Miroporjadok skvoz' prizmu sinergetiki // Mezhdunarodnye processy. 2005. T. 3. N 3(9)].
4. *Изотов В.* «Мягкая мощь»: обновленный теоретический концепт и российская модель для сборки // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2011. № 4. [*Izotov V.* «Mjagkaja moshch'»: obnovlennij teoreticheskij koncept i rossijskaja model' dlja sborki // Vestnik RUDN. Ser. Politologija. 2011. N 4].
5. *Караганов С.* Революционный хаос нового мира // Российская газета. 2011. 21 дек. [*Karaganov S.* Revoljucionnyj haos novogo mira // Rossijskaja gazeta. 2011. 21 dec.].
6. *Костин А.* Экополитология и глобалистика. М., 2005. [*Kostin A.* Ekopolitologija i globalistika. M., 2005].
7. *Моисеев Н.* Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ // Вопр. философии. 1995. № 1. [*Moiseev N.* Sovremennij antropogenez i civilizacionnye razlomy. Ekologo-politologicheskij analiz // Voprosy filosofii. 1995. N 1].
8. *Переслегин С.* Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. М.; СПб, 2009. [*Pereslegin S.* Novye karty buduwego, ili Anti-Rjend. M.; SPb., 2009].
9. *Хабермас Ю.* Расколотый Запад. М., 2008. [*Habermas Ju.* Raskolotyj Zapad. M., 2008].
10. *Birdsall N., Fukuyama F.* The Post-Washington Consensus // Foreign Affairs. 2011. Vol. 90. N 2.
11. *Fukuyama F.* The Future of History // Foreign Affairs. 2012. Vol. 91. N 1.
12. Global Risks. An Initiative of the Risk Response Network. World Economic Forum. 6 ed. Geneva, 2011.
13. *Kroenig M., McAdam M., Weber S.* Taking Soft Power Seriously // Comparative Strategy. 2010. Vol. 29. N 5.
14. *Kupchan C.* The Democratic Malaise. Globalization and the Threat to the West // Foreign Affairs . 2012. Vol. 91. N 1.
15. *Nye J.* Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Science Academy of Political and Social. 2008. March.